

Глава 4

Луань Лин аккуратно просунул лапку под перья птицы-секретаря, щекоча нежную кожу, и мысленно спросил:

«Слушай, а у тебя точно нет... никаких особых позывов? Ну, знаешь, желания наброситься на какую-нибудь симпатичную самочку или хотя бы почесаться о ствол дерева?»

«Нет! Заткнись! Я птица, а не озабоченный пудель!» — яростный голос Гун Чао загрохотал прямо у него в голове.

Луань Лин и сам не знал почему, но подначивать этого сурового мужика оказалось на удивление весело. По крайней мере, сейчас, когда никаких других развлечений не предвиделось, это хоть как-то скрашивало их незавидное положение.

Желание поиграть с огнём вспыхнуло с новой силой. Он просто не мог остановиться:

«Серьёзно, вообще ничего? А ведь вопрос принципиальный. Жизни это, положим, не угрожает, но как быть с твоим мужским достоинством? Вдруг тебя и правда потянет... кхм, оседлать какую-нибудь пернатую?..»

Договорить он не успел. Гордый птичий затылок, маячивший впереди, внезапно пошёл дыбом.

Полтора десятка чёрных перьев взметнулись и растопырились, напоминая шпильки в сложной причёске разгневанной восточной красавицы. Вот только этот «красавец» сейчас явно намеревался сожрать его без соли.

Но по-настоящему жуткое началось секундой позже: голова птицы, не меняя положения тела, плавно развернулась на сто восемьдесят градусов. Он уставился на Луань Линя холодным, немигающим взглядом.

Выглядело это точь-в-точь как в дешёвых хоррорах, когда идущий впереди попутчик внезапно сворачивает шею под неестественным углом и молча сверлит тебя взглядом. По спине пробежал неприятный холодок.

Шутить перехотелось мгновенно. Луань Лин испуганно замолчал и покрепче прижал к себе собственный длинный хвост.

Но птица на этом не успокоилась. Секретарь плавно изогнул гибкую шею, приблизив клюв почти вплотную к крошечному тельцу тушканчика — ещё пара сантиметров, и огромная пасть перекусила бы его пополам.

Оказавшись под пристальным взором, превосходящим размерами всё его крошечное тельце, Луань Лин судорожно сглотнул и пискнул:

«Э-э... босс, убийство — это вообще-то статья».

«Смешно, — мысленно хмыкнул Гун Чао. — Рот закрой».

«Понял, шеф. Слушаюсь, шеф».

Укротив наглеца, Гун Чао повернул голову обратно и принялся приводить в порядок промокшие перья.

Чистить перья собственным клювом оказалось занятием крайне непривычным. Не зная толком, как это делается, он просто проходил по ним, стараясь расправить и обсушить. Касаться копчиковой железы, как это делают настоящие птицы, Гун Чао наотрез отказался — сама мысль об этом казалась ему дикой и противоестественной.

«Надо привыкать к новому телу постепенно, — подумал он. — К тому же, если я начну выкручиваться и елозить клювом под хвостом на глазах у этого мелкого, он точно со смеху лопнет».

Гун Чао искоса глянул на своего пассажира. Тушканчик, свернувшись клубочком и обхватив лапками пушистый хвост, тихо сидел среди перьев и о чём-то думал. Сейчас он выглядел настолько беззащитным и милым, что у сурового мужчины вдруг промелькнуло совершенно нелепое желание потискать этого пушистика.

Мысленно отмахнувшись от этого наваждения, он вернулся к своему занятию.

Степной ливень утих так же стремительно, как и начался. Тучи разошлись, и небо над саванной вновь засияло чистой синевой.

Раскисшая, истоптанная земля постепенно подсыхала, источая густой запах прели и мокрой глины. Впрочем, к привычным ароматам примешивались и другие — новые, тонкие запахи, которые человеческое обоняние никогда бы не уловило.

«Слышишь какие-нибудь запахи?» — поинтересовался Гун Чао.

Луань Лин смешно повёл крошечным носом и честно признался:

«Откуда? Тут вокруг меня только твоим мокрым пером и пахнет».

«Спросил на свою голову», — подумал Гун Чао.

Он невольно поморщился. На секунду ему даже самому захотелось вывернуться и обнюхать собственные крылья — неужели от него действительно так разит птичником?

«Животные воспринимают мир иначе, — вслух рассудил он, подавляя глупый порыв. — Их обоняние в разы острее человеческого. Наверняка хищники по одному лишь ветру могут почуять угрозу или выследить добычу».

«Не переживай, птицы в этом плане обделены, — успокоил его Луань Лин. — Твой главный козырь — зрение. Кстати, говорят, птицы видят мир невероятно ярким и цветным. У тебя как? А то у меня всё серое, смазанное, вообще ничего толком не разобрать».

«Вижу в цвете, но как-то иначе, не по-человечески», — отозвался собеседник.

«Тем лучше. Будешь высматривать опасность. Ту же маскировку леопарда тебе теперь заметить куда проще».

«Это точно. Да и угол обзора у меня сейчас колоссальный, градусов двести семьдесят. Правда, прямо перед клювом и со спины слепые зоны».

Анатомия большинства птиц предполагает боковое расположение органов зрения, что обеспечивает им панорамный обзор, недоступный человеку. Однако из-за этого они практически не видят то, что находится прямо у них под носом, отчего и забавно косят, наклоняя голову набок.

Когда Гун Чао впервые огляделся в новом теле, он едва не потерял ориентацию в пространстве: панорама по бокам была настолько широкой, что он без труда видел кончики собственных сложенных крыльев.

«У меня то же самое! — Луань Лин принялся лапкой приглаживать взъерошенную влажную шерстку на животе. — Необычное чувство, но чертовски интересное. Ладно, дождь кончился, какие планы?»

«Судя по солнцу, сейчас вторая половина дня, — ответил Гун Чао. — Часа через два начнёт темнеть, нужно найти место для ночлега. Ты не в курсе, где спят эти птицы? В гнёздах?»

«Точно! — спохватился Луань Лин. — Они устраиваются на раскидистых акациях. Как раз на таких, под которыми мы прячемся».

Гун Чао задрал голову. Зонтичная акация, укрывшая их от ливня, была невысокой, но её крона имела характерную плоскую форму, напоминающую огромную чашу или ровную платформу, приподнятую над землёй.

«Для твоей тушки — идеальный вариант, — пустился в объяснения тушканчик. — У секретарей лапы не приспособлены для того, чтобы цепляться за тонкие ветки, как у обычных птиц. С круглой ветки ты ночью просто кувыркнёшься вниз. А на плоской вершине акации можно устроиться с комфортом».

Гун Чао мысленно согласился. На такой высоте они окажутся в относительной безопасности — большинство наземных хищников саванны не умеют лазать по деревьям, а значит, до них никто не доберётся.

«Решено, ночуем здесь», — подытожил он.

«Я-то не против, — отозвался Луань Лин. — Но как насчёт ужина? Ты ведь за весь день маковой росинки во рту не держал».

«Попробую поохотиться напоследок, время ещё есть. А ты? Что ты собираешься есть?»

«С этим проще. Я грызун, могу перекусить корешками или семенами, под ногами полно еды. Главное, что рядом со мной грозный защитник. Ты буквально моя счастливая карта в этой игре!»

Довольный своей находчивостью, зверёк поглубже зарылся в мягкое оперение на спине птицы, устраиваясь поудобнее и выражая крайнюю степень дружелюбия.

«Прямо домашний питомец», — невольно подумал Гун Чао.

Он скосил взгляд на спину, тихонько хмыкнул и решительно зашагал прочь из-под укрытия ветвей.

Солнце неумолимо клонилось к горизонту, окрашивая саванну в багровые тона. Огромная птица медленно пробиралась сквозь густую, влажную траву в надежде выследить хоть какую-то добычу, когда опасность застала их врасплох.

Первым неладное заподозрил Луань Лин. Он уловил чуткими ушками подозрительный, едва различимый шорох в зарослях. Он приподнялся на задних лапках, силясь разглядеть источник звука, но из-за слабого зрения видел лишь колышущиеся серые тени.

«Эй, там что-то есть...» — встревоженно шепнул он напарнику.

Гун Чао едва успел повернуть голову в указанном направлении, как трава впереди расступилась. На них, бесшумный и стремительный, летел леопард. Пятнистая бестия, переливаясь стальными мускулами, неслась с убийственной скоростью.

«Мама родная! Леопард! Взлетай! Взлетай скорей!!!» — Луань Лин запаниковал, едва не выпрыгнув из перьев от ужаса. Крупный хищник приближался с каждым ударом сердца.

«Держись мёртвой хваткой!» — рявкнул в его сознании на удивление хладнокровный голос Гун Чао.

Гун Чао спружинил сильными птичьими ногами, оттолкнувшись от сырой земли. Мощно взмахнув крыльями, он с шумом погнал воздух вниз, бросая тело секретаря вверх.

Леопард совершил отчаянный прыжок, но он сомкнул челюсти на пустоте — зверь лишь свистнул когтями в миллиметре от кончиков лап взлетевшей птицы.

Сердце тушканчика бешено колотилось, готовое выскочить из груди. Только когда они набрали безопасную высоту, он наконец смог сделать судорожный вдох.

Однако хищник не собирался так просто отпустить добычу. Едва коснувшись лапами земли, леопард резко развернулся. Пятнистый зверь зарычал от ярости. Сжавшись в пружину, он совершил колоссальный прыжок вертикально вверх, пытаясь достать уходящую птицу.

Мускулистое тело взметнулось почти на два метра. Заметив угрозу, Гун Чао рефлекторно поджал длинные ноги под самое брюхо.

Леопард распорол воздух выпущенными когтями, едва не задев пух на животе секретаря, но зацепиться за скользкие перья зверь так и не сумел. С тяжелым глухим стуком хищник рухнул обратно в траву.

Проводив злобным взглядом поднимающуюся всё выше птицу, леопард недовольно глухо зарычал, признавая поражение, и ленивой, но грозной походкой скрылся в густых зарослях.

«Ну и прыгучая тварь... — мысленно выдохнул Гун Чао, чувствуя, как запоздалый адреналин бьёт по нервам. — Ещё секунда — и мы бы камнем полетели вниз».

«Обалдеть... Ну ты даёшь! — Луань Лин с восторгом смотрел на удаляющуюся землю. — Какая реакция! Какое хладнокровие! Я бы на твоём месте со страху оцепенел. Ты что, спортсмен какой-то или боец?»

«Нет, не спортсмен. И давно уже не студент, — спокойно ответил Гун Чао, плавно планируя в потоках тёплого воздуха. — Моя работа... скажем так, я занимаюсь сопровождением в горячих точках за рубежом. Охраняю грузы, вывожу людей из зон конфликтов. По сути — телохранитель».

От такого признания Луань Лин на мгновение лишился дара речи.

«В горячих точках?! Да ты же настоящий наёмник! Обалдеть, как круто! Ты что, реально из настоящего оружия стрелял? Или просто лапшу мне на уши вешаешь, чтобы поумничать?»

«Зачем мне врать? Хотя наёмники — это всё же другое, у нас задачи сугубо оборонительные. Меньше романтики, больше рутины».

«Слушай, а ты из какой страны? По-русски шпаришь без малейшего акцента... Стоп! Или это ментальная связь автоматически переводит наши мысли? И если ты работал за границей, получается, эта чёртова игра затянула людей со всего мира?» — Луань Лин так разволновался, что вопросы посыпались из него как из ведра.

Он до сих пор не мог взять в голову, как очутился в этом безумии. Если неведомая сила способна по щелчку пальцев превратить всё человечество в зверей, то её масштаб и возможности выходили за рамки любого, даже самого смелого воображения.

«У меня смешанное происхождение, русский язык для меня родной, так что дело не в переводчике, — терпеливо разъяснил Гун Чао. — Насчёт всего мира не скажу, но, судя по всему, под удар попал именно твой университет».

«Наш универ?!» — Луань Лин опешил. В тот злополучный момент он мирно дремал на задней парте во время лекции, поэтому начало катастрофы благополучно проспал.

Гун Чао на миг замолчал, восстанавливая в памяти события, которые раз и навсегда разрушили его привычную картину мира.

«Ваш кампус внезапно накрыло гигантским силовым куполом. Выбраться никто не мог. Через минуту люди начали падать без чувств один за другим. Я оказался там по делу и тоже попал под раздачу. Перед тем как отключиться, я услышал странный механический голос... а очнулся уже в этом пернатом теле».

Луань Лин похолодел. Значит, купол, массовый обморок и... мгновенное перемещение?

Это походило на бред сумасшедшего. Их физически превратили в зверей и забросили в дикую природу? Или это глубокое погружение, виртуальная симуляция, куда транслируется их сознание? В правилах ведь чётко говорилось: «Смерть мозга наступает после десятой гибели».

Стало быть, их настоящие тела сейчас лежат без сознания в аудиториях и коридорах университета, пока их разум борется за выживание в этой дикой игре?

«Чертовщина какая-то... — пробормотал тушканчик. — Кажется, все мои научные представления о мире можно смело спустить в унитаз».

«Я и сам мало что понимаю, — признался Гун Чао. — Мой боевой опыт тут бессилён».

Луань Лин ухватился за самую пугающую деталь:

«Но как нам отсюда выбраться? Если лимит — десять смертей, получается, впереди нас ждёт ещё куча этапов? Каждый раунд длится месяц. Это же почти год реального времени! Неужели единственный способ вернуться домой — дойти до самого финала?»

«В том-то и дело. В правилах нет ни слова о финале, — хмуро ответил Гун Чао. — И никто не обещал, что нас отпустят, даже если мы выживем».

<http://bllate.org/book/18183/1746629>